

4. Головачев Д.М. Сельское хозяйство крестьян Енисейской губернии и условия его развития. – Красноярск: Тип. Ал.Д. Жилина, 1903. – 42 с.
5. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.) / отв. ред. И.Д. Ковальченко. – Новосибирск: Наука, 1976. – 343 с.
6. Григорьев В.Ю. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири. Енисейский край. – Красноярск: Енисей. губ. тип., 1904. – 106 с.
7. Журнал заседания Лесного Совета при Енисейском Управлении земледелия и государственных имуществ с 22 по 24 марта 1914 года. – Б.м., б.г. – 24 с.
8. Журнал съезда лесных чинов Енисейской губернии 1900 года. – Красноярск: Тип. Ал.Д. Жилина, 1900. – 41 с.
9. Журналы Лесного Совета при Управлении земледелия и государственных имуществ Енисейской губернии и Сопещения лесопромышленников за 1916 и 1917 год. – Красноярск: Тип. Н.Г. Титовский и Ко, 1917. – 174 с.
10. К проекту железнодорожной линии Ачинск – Енисейск (экономическая записка). – СПб.: Тип. МПС, 1914. – 79 с.
11. Козут М.Т. К вопросу об итогах поземельно-устроительной реформы царизма на государственных землях Сибири к 1917 г. // Аграрная политика царизма в Сибири в эпоху капитализма. – Омск, 1987. – С. 41–71.
12. Козут М.Т. Начальный этап поземельного устройства сибирских крестьян (1898–1906 гг.) // Аграрная политика царизма в Сибири. – Омск, 1989.
13. Ленин В.И. Значение переселенческого дела // Полное собрание сочинений. Т. 23. – М.: Изд-во полит. лит., 1973. – С. 103–109.
14. Материалы по исследованию землепользования и хозяйственного быта сельского населения Иркутской и Енисейской губерний. Енисейская губерния. Т. 4. Вып. 4. – Иркутск, 1893.
15. Материалы по обследованию железных дорог. Вып. 69. Сибирская железная дорога. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1912. – 347 с.
16. Новакова К.Т. Сибирский железнодорожный пролетариат. – Красноярск, 1965. – 72 с.
17. Отчет красноярской городской управы за 1912 год. – Красноярск: Тип. М.И. Абалакова, 1913. – 328 с.
18. Отчет красноярской городской управы за 1915 год. – Красноярск: Тип. Н.Г. Титовского и Ко, 1917. – 294 с.
19. Памятная книжка Енисейской губернии на 1898 г. – Красноярск: Тип. Енисей. губ. управления, 1897.
20. Пантелеев В.И. Хозяйственные заготовки леса как форма предпринимательской деятельности Казны в лесной промышленности Сибири в конце XIX – начале XX в. // Промышленное развитие Сибири в XIX – начале XX вв. – Иркутск, 1989. – С. 63–81.
21. Пронин В.И. Сибирь в составе всероссийского и мирового рынков в начале XX в. (1897–1917 гг.): материалы к спецкурсу. – Новосибирск: Изд-во НГТУ, 1999. – 89 с.
22. Розинг С.Д. Леса и лесное хозяйство Приенисейского края. – Красноярск: Гос. типо-литография, 1926. – 16 с.
23. Статистический обзор Енисейской губернии за 1913 год. – Красноярск: Енисей. губ. тип., 1914.

УДК 94(470)

Н.В. Гонина

ВЛИЯНИЕ УРБАНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА ДИНАМИКУ БРАЧНОСТИ И РАЗВОДИМОСТИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОМ РЕГИОНЕ (БЕЗ НАЦИОНАЛЬНЫХ РАЙОНОВ) в 1959–1989 гг.

В статье на основании данных всесоюзных переписей населения 1959, 1970 и 1989 гг. исследуется динамика брачности и разводимости городского населения в Ангаро-Енисейском регионе. Проводится сравнение данных по Красноярскому краю, Иркутской области и РФ. Дается оценка влиянию урбанизации как одного из аспектов модернизации на брачное поведение населения.

Ключевые слова: *брак, брачность, развод, разводимость, население, город, урбанизация, Красноярский край, Иркутская область, Ангаро-Енисейский регион.*

N.V. Gonina

URBANIZATION PROCESS INFLUENCE ON THE MARRIAGE AND DIVORCE RATE DYNAMICS OF THE URBAN POPULATION IN ANGARO-YENISEISK REGION (WITHOUT NATIONAL AREAS) IN 1959–1989

The marriage and divorce rate dynamics of the urban population in Angaro-Yeniseisk region is researched in the article on the basis of the data of All-Union population censuses in 1959, 1970 and 1989. Comparison of the data in Krasnoyarsk region, Irkutsk region and Russian Federation is conducted. Estimation to the urbanization influence, as one of the modernization aspects, on the population marriage behavior is given.

Key words: marriage, marriage rate, divorce, divorce rate, population, city, urbanization, Krasnoyarsk region, Irkutsk region, Angaro-Yeniseisk region.

Введение. Понятие «модернизация» сегодня является одной из самых распространенных характеристик процессов, начавшихся в XIX в. и продолжающихся в наши дни. При этом модернизация порождает не только бурное промышленное строительство или технологические революции. Она проникает глубоко внутрь человеческих сообществ, отражается в различных изменениях социальной структуры, поведения, ценностных установок и т.д. Данные изменения заставляют пересмотреть сложившиеся научные взгляды и подходы к изучению общества, требуют поиска новых форм и методов работы.

Во второй половине XX в. в Ангаро-Енисейском регионе модернизация наиболее ярко проявилась в процессах индустриализации и урбанизации. Индустриализация исследована историками достаточно полно, тогда как урбанизация только в последние десятилетия стала привлекать к себе внимание ученых. Урбанизация – это не только рост числа городов и численности населения в них. Она затрагивает все аспекты жизни и деятельности людей. В частности, большой научный интерес представляет изменение традиционных институтов общества.

Цель исследования. Дать оценку произошедшим изменениям и выявить степень влияния урбанизации на институт брака.

Задачи исследования. Рассмотреть динамику браков и разводов в Красноярском крае, Иркутской области и РСФСР в разных возрастных группах; проанализировать данные и выявить общее и особенное в изучаемых процессах; определить изменения, которые произошли в институте брака и отношении к нему под влиянием урбанизационных процессов.

Исследование базируется на сочетании общенаучных, специально-исторических и социологических методов.

Во второй половине XX в., благодаря новому этапу промышленного строительства, урбанизация приняла невиданные ранее темпы и размах. Ежегодно создавалось примерно 25 новых городов (в отдельные годы по 35–40). В первое послевоенное десятилетие число городских жителей увеличивалось ежегодно на 2 млн человек, после 1959 г. – уже на 3,2–3,3 млн, а с начала 1970-х годов – на 3,5 млн. К 1979 г. в СССР насчитывалось более 2 тыс. городов и почти 4 тыс. поселков городского типа. Горожане составили 62% всего населения [8, с.4].

По мнению авторитетных исследователей, в рассматриваемый период население городов большей частью состояло из вчерашних жителей сельской местности [9, с. 56–57]. Такое стремительное изменение образа жизни не могло не оказать влияние на все социальные процессы, в том числе на брачное поведение.

В Советском государстве уже в 1920-х гг. произошло изменение взглядов на статус семьи и брака. Церковное венчание было заменено росписью при любом представителе власти. Развод также стал делом легким. Святость брачных уз была разрушена. Но если при Сталине за измену наказывали «по партийной линии», а развод не поощрялся, то есть сдерживающим фактором были власть и общественная мораль, еще хранившая традиционные черты, то хрущевская оттепель обозначилась либерализацией и в этом направлении. В качестве примера можно указать передачу органов ЗАГСов из подчинения МВД в ведение местных советов депутатов трудящихся, что являлось свидетельством демократизации общества, ослаблением контроля над личной жизнью [5]. Как отмечает М.В. Антонова, в 1950–1960-е гг. произошёл уход от политики прямого диктата в повседневной жизни простых обывателей. Была повышена роль личной ответственности супругов за стабильность брака, рождение и воспитание детей. В то же время контроль над частной сферой, над личностью сохранился. Это выразилось, главным образом, в обсуждении фактов

личной жизни общественными организациями, которые становились связующим звеном между семьей и властью. Формирование брачно-семейных отношений, новой советской повседневности испытывало серьезное влияние общецивилизационных процессов [1, с. 22–24].

Однако политика, какая бы она ни была, слабо затрагивала сущностные основы представлений о семейно-брачных отношениях. А вот переселение в город, отрыв от узкого круга деревни и семьи оказывали огромное влияние на молодых людей. Традиционная многопоколенная семья с большим количеством детей, представлявшая собой в первую очередь коллектив, противостоящий «вызовам» окружающей среды, постепенно теряла ценность. Новые семьи, которые создавались в городе, жили уже по другим принципам, и эта тенденция получала развитие от поколения к поколению. Нарушилась свойственная крестьянской семье тесная связь между числом едоков и числом работников. Теперь потребности семьи при прочих равных условиях зависят от числа и возраста ее членов, прежде всего детей, остающихся иждивенцами намного дольше, чем прежде, а экономические ресурсы – от оплаты труда имеющихся в ее составе работников. Прямой связи между тем и другим нет.

Снижение смертности и особенно рождаемости в стране, как и везде в мире, поставило под сомнение необходимость слитного брачного, полового поведения, а также поведения в отношении деторождения. Соответственно менялось отношение и к брачным узам. Союз мужчины и женщины стал более интимным, в одних случаях более глубоким, в других – более поверхностным, но всегда не слишком требующим внешнего, официального оформления брачных уз. Повышается избирательность в поиске долговременного партнера в супружестве, но понижаются требования к кратковременным сексуальным партнерам, связь с которыми вовсе не обязательно превращается в прочный брак. Такие связи воспринимаются и самими партнерами, и социальным окружением как подготовка к браку, как эпизоды на пути проб и ошибок. Возраст полового дебюта все чаще перестает совпадать с возрастом вступления в брак, момент начала фактического брака, даже если он впоследствии и регистрируется, отделяется от момента регистрации, время зачатия или рождения детей становится мало связанным со временем начала фактических брачных отношений и т. д. [3].

Свобода, в том числе и половая, становилась все более привлекательной. По наблюдениям социологов, в 1950–1960-х гг. свободные половые отношения получили распространение, несмотря на то, что они осуждались обществом. Как показывают результаты социологических опросов, в мотивации вступления в брак преобладали нравственно-психологические ценности. В российском обществе высоко ценился свободный брачный выбор, основанный на любви, духовной близости и привязанности. Браки, основанные на материальном расчете, как показали обследования 1960–1970-х гг., были редки [10, с. 119–138].

Однако уклад семейной жизни оставался прежним. При низком уровне сексуальной грамотности часто результатом свободной любви становилась внеплановая беременность, которая, по мнению общества, требовала оформления брачной записи. Плодом этого явления стало большое количество молодежных браков, основанных на любовном влечении, но не подкрепленных традиционными устоями и материальной базой. Такие браки очень часто распадались. Отсюда рост числа одиноких женщин и мужчин, а также брошенные дети, семьи с одним родителем.

Еще одним фактором, оказывающим влияние на изменение отношения к браку, стал недостаток жилплощади в городах при стремлении молодой семьи к приватности отношений.

Интересное явление наблюдалось в связи с государственной жилищной политикой. Так как новые квартиры давали только семейным, а холостяки должны были жить в общежитии, получил распространение брак ради квартиры, равно как и рождение детей в целях увеличения жилплощади.

В этом же ряду находится брак ради прописки. Молодые люди, стремящиеся из деревни переехать в город, желали в нем закрепиться. При этом престижную, хорошо оплачиваемую работу можно было получить, только имея прописку, а прописку – при наличии жилплощади. Особенно это касалось региональных центров, где прописка приезжих сознательно ограничивалась. Для выходцев из сельской местности складывался замкнутый круг. Поэтому отдельные юноши и девушки использовали брак как социальный лифт, который позволял оформить постоянную прописку, а следовательно, получить возможности карьерного роста. В малых исторических и молодых городах эта тенденция не распространялась. Наоборот, люди такого склада, как правило, в таких местностях не задерживались.

Определенную роль играл и финансовый вопрос. Если в сельской местности семья – это прежде всего экономическое сотрудничество, в котором каждые новые рабочие руки на вес золота, а дети и старики вносят свою посильную лепту, то в городе, наоборот, человеку легче всего прожить одному, так как семейная жизнь требует затрат, а дети и старики являются иждивенцами.

Восточная Сибирь в рассматриваемый период была зоной активного промышленного развития. Вместе с заводами и гидростанциями росли города. Большой приток молодежи на новостройки вел к более

высокому уровню брачности, чем в других районах. Внутри региона эта тенденция определялась притоком рабочей силы на то или иностроительство.

Представляет интерес соотнести данные всесоюзных переписей населения по территориальному и хронологическому признаку, что позволит выявить динамику, а также общее и особенное в процессах брачности за исследуемый период.

Динамика брачности городского населения 1959–1989 гг. [7]

Регион	Год	Процент людей, состоящих в браке, к общему числу бракоспособного населения	Процент людей, состоящих в браке, в возрастной группе к общему числу населения в браке				
			В возрасте до 20 лет	В возрасте 20 – 29 лет	В возрасте 30 – 39 лет	В возрасте 40 – 49 лет	50 лет и старше
РФ	1959	60,4	0,8	26,1	31,7	20,9	20,4
	1970	62,5	0,9	18,2	31,9	25,1	23,8
	1989	64,7	0,8	20,2	29,03	17,9	31,9
Красноярский край	1959	59,4	1,3	30,4	33,02	18,7	16,5
	1970	64,1	1,3	22,2	34,6	23,2	18,6
	1989	66,9	0,9	22,1	32,4	18,4	26,1
Иркутская область	1959	61,04	1,2	30,5	32,2	19,9	16,1
	1970	64,7	1,3	21,9	34,3	22,8	19,7
	1989	65,9	1,05	21,8	31,2	18,4	27,4

Таблица показывает, что в Красноярском крае и Иркутской области численные показатели и их корреляция очень близки, следовательно, мы наблюдаем развитие сходных процессов. Также очевидно, что общий процент числа людей, состоящих в браке, и его динамика в регионах мало отличаются от средних данных по РФ, что также свидетельствует об общности явлений. Повсеместно наблюдается рост показателей. Здесь можно предположить, что он обусловлен большим числом зарегистрированных браков, тогда как ранее часть населения предпочитала не оформлять официально свои отношения. Очевидно и то, что в 1950-х гг. еще сказывалось влияние сталинских репрессий и потерь в годы войны. Рост числа зарегистрированных браков в 1959–1989 гг., наблюдаемый как в Восточной Сибири, так и в целом по РФ, показывает, что большинство населения предпочитают регистрировать свои отношения.

Браки до 20 лет составляют самую маленькую группу, и это закономерно, так как в рассматриваемый период ранние браки не поощрялись ни традицией, ни администрацией. Снижение показателя вполне естественно, так как в 1970 – 1980-х гг. возрос престиж образования, а равно и возможности его получения в Восточной Сибири. Определенную роль, безусловно, сыграли увеличение внимания взрослых к детям, а также переселение из коммуналок и бараков в квартиры.

Наибольший интерес для нашего исследования представляет динамика брачных отношений в возрастной группе 20–30 лет. В этом возрасте наблюдается наибольшее изменение в количестве браков на период 1959–1970 гг. – чуть более 8%. Если ранее социальная самореализация в первую очередь заключалась в создании семьи, то теперь приоритеты изменились. Мужчины и женщины стремились сначала получить образование и сделать карьеру, обеспечить материальную базу семьи и уже потом заключать брачные союзы. Важную роль сыграло развитие контрацепции и большая, по сравнению с предыдущим периодом, морально-нравственная свобода, которые позволяли вести половую жизнь без официального оформления. В более позднем (30–40 лет) возрасте динамика прослеживается слабо, но тоже есть тенденция к снижению в период 1970–1989 гг., что позволяет предположить наличие тех же факторов.

Рост числа браков на 1970 г. в возрастной группе 40–49 лет, на наш взгляд может быть объяснен принятым в 1965 г. законом, который значительно облегчил развод. Отсутствие статистических данных не позволяет утверждать эту позицию, но скорее всего мы имеем дело с вторыми браками 40-летних мужчин с молодыми женщинами (кризис среднего возраста). Данная тенденция не имеет прямого отношения к рассматриваемой теме, но косвенно говорит о возросшей свободе выбора и смены партнера.

Таким образом, мы не видим за рассматриваемый период резких скачков, которые наглядно иллюстрировали бы влияние урбанизационных процессов. Но такой статистикой мы не располагаем и сегодня. Динамика браков в этом плане не является надежным показателем, так как, несмотря на

изменения, люди в основной своей массе предпочитают жить в браке. Эта тенденция наблюдается и сейчас. Брачное поведение чаще всего видоизменяется по показателям, которые не фиксировались или фиксировались не всегда статистикой того времени – число сожительства по отношению к числу зарегистрированных браков, частота смены партнеров, наличие вторых и третьих браков.

Если общие данные не показывают значительных изменений, то внутрирегиональные материалы, наоборот, демонстрируют яркую динамику. Особенно показательны в этом плане молодые города. Приток молодежи на новостройки обуславливал большое число браков. Например, в Иркутской области по всем молодым городам в 1960 г. на 1000 горожан приходилось 24,8 браков, а по области в целом – 13,7. В 1960–1970-х гг. количество браков постепенно снижалось и достигло равновесия. Так, в Иркутской области число браков на 1000 человек в молодых и «старых» городах составляло 17 и 9,9 в 1963 г., 14 и 10 в 1970 г., 11,3 и 10,7 в 1980 г., 9,3 и 9,1 в 1985 г. [12, с. 112–113].

Главную роль в этом сыграло изменение брачного поведения в условиях урбанизации. Большое влияние оказывала и социально-бытовая неблагоустроенность. Обещанных квартир приходилось ждать достаточно долго, а благоустройство полученного жилья осуществлялось самостоятельно. В Восточной Сибири, как справедливо отмечает Николаенко, обеспеченность жильем была самой низкой по стране [11, с. 106], а для районов нового освоения характерно было отсутствие детских садов и недостаток медицинской помощи.

Тем не менее нужно заметить, что на новостройках процент брачности по-прежнему оставался высоким. Например, в Усть-Илимске, показатель браков на 1000 чел. населения хотя и снизился с 1976 по 1979 г. с 23,0 до 15,8, тем не менее значительно превосходил средний по стране и области (10,0–11,0) [6, с. 139].

Особенностью демографической характеристики новых городов являлся также высокий уровень смешанных браков, чему способствовал приток населения из различных регионов страны. В Братске, к примеру, смешанные браки составляли в 1960 г. 21 %, в 1971 – 45 %. В Усть-Илимске представители разных национальностей создавали семьи в три раза чаще, чем в среднем по СССР.

В целом для периода 1955–1985 гг. характерно снижение числа браков по сравнению с предыдущими годами. Особенно это характерно для новых браков, например в Иркутской области их число за указанный период сократилось с 12,7 до 9,16 на 1 тыс. человек. Также исследователи отмечают повышение возраста вступления в брак [8, с. 54–55; 12, с. 111].

Влияние городского образа жизни уже среди первого-второго поколения горожан можно проследить также на примере данных по разводимости. В начале рассматриваемого периода их число было небольшим – сказывалось традиционное воспитание и сталинский семейный кодекс. Со второй половины 1960-х гг. ситуация резко изменилась. Число разводов в 1960–1970 гг. возросло более чем в 2 раза. Сократилась и продолжительность пребывания в браке. При этом, если ранее главной причиной прекращения брака было овдовение, то теперь таковым стал развод. Так, в 1970-е гг. в РСФСР доля браков, прекратившихся из-за развода, составляла 50%. В РСФСР на 100 брачных пар было разводов в 1960 г. – 12,3; в 1970 г. – 31,9; в 1975 г. – 37,4; в 1979 г. – 43,8 [11, с. 119–138]. Этому способствовало новое законодательство. Указ Президиума ВС СССР «О некоторых изменениях порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» от 10 декабря 1965 г. заметно упростил процедуру расторжения брака. Однако этот документ скорее легализовал тенденции, развивающиеся в обществе, чем стимулировал их. Это можно заключить из рассмотренной ситуации с брачностью, которая неопровержимо свидетельствует, что несмотря на все изменения, институт брака сохранял свою значимость для подавляющего большинства населения. Также весомым аргументом является замеченный М.В. Антоновой на примере Ленинграда, но характерный и для других советских городов, рост числа повторных браков [1, с. 14–16].

Относительно возраста разводящихся авторы исторических очерков «Население России в XX в.» указывают, что наименее устойчивые браки заключались в ранних и в пожилых возрастах. Разводы наиболее активно совершались в возрастных группах от 20 до 40 лет. Причем женщины в основном разводились в возрастах до 40 лет, а мужчины – после 40 лет.

Молодые люди при вступлении в брак на первое место ставили чувства, часто не имели жилья и слабо представляли условия семейной жизни, возрастала социальная инфантильность, неподготовленность к браку, что определялось разрывом связи со старшими поколениями. Поэтому многие браки распадались. В течение всего рассматриваемого периода расторгались преимущественно браки с продолжительностью 1 – 6 лет. Так, из браков, заключенных в 1960 г., в первые 5 лет было расторгнуто 37% брачных союзов, а в 1975 г. – 55. Росло число браков, распавшихся в первые 10 лет брачной жизни. В середине 1970-х гг. на первом году брака из-за развода распался 1% браков, через 5 лет брачной жизни – 10, а через 10 лет – 17% браков.

Огромное влияние на численный рост разводов в городах РФ оказывала трансформация ценностных установок населения на брачно-семейные отношения, потребность в детях и т.д. В супружеских отношениях

усилилась роль нравственно-психологической и духовной близости, интимности в отношениях между супругами. В то же время выросло стремление мужа и жены к сохранению личной автономии, к реализации своих интересов и желаний, лежащих за пределами семьи. Ограничение индивидуальных потребностей одного из супругов создавало в семье конфликтную ситуацию и могло привести к расторжению брака.

Разводы также определялись отсутствием или малочисленностью детей в семье. Увеличение числа детей стабилизировало брак. Браки расторгались в 35% бездетных семей, в 46% семей с одним ребенком, в 15% семей – с двумя, в 4% семей с тремя и более детьми [10, с. 233–235; 11, с. 119–138].

В Восточной Сибири ситуация в зонах старого освоения аналогична общесибирским и общероссийским показателям. Здесь происходит постепенный рост разводов. При этом внимания заслуживает феномен молодых городов. При высоком уровне браков, отмеченном выше, здесь было также велико количество разводов. Возможность легкой перемены мест, постоянные переброски строительных бригад с объекта на объект, плохие бытовые условия способствовали разрыву семей. Многие молодые мужчины, зарабатывая деньги на новостройках, жили отдельно от семьи, которая оставалась в староосвоенных районах, что также могло привести к появлению новых партнеров и расторжению брака. Показательные результаты в этом плане дают исследования Н.С. Николаенко и Ю.В. Черновой по молодым городам Иркутской области. В 1959 г. в новостройках региона на 1000 населения приходилось в среднем 2,2 зарегистрированных развода, в 1963 г. – 2,04; в 1970 и 1980 гг. – 4,7; в 1985 г. – 4,5. Среднеобластные данные в эти годы достигали соответственно 0,8; 1,0; 2,6; 3,6; 3,5.

Максимальное число бракоразводных процессов отмечалось на протяжении 1970-х гг. Общий показатель по молодым городам составил в 1975 г. 5,3 развода на 1000 населения, что определялось высоким количеством заключенных браков. В Братске и Усть-Илимске наблюдалось самое большое среди новостроек число разводов, соответственно 7,2 (1968 г.) и 9,6 (1973 г.). В конце 1970-х гг. к уровню Усть-Илимска стали приближаться Шелехов и Железногорск – 6,4 в 1978 г. В динамике соотношение браков, заключенных горожанами, и разводов (число разводов на 100 браков) выглядит следующим образом: 1960 г. – 11; 1970 г. – 40,6; 1980 г. – 45,6. Для сравнения скажем, что в 1965 г. в молодых городах на 100 заключенных браков приходилось 23 развода, а в «старых», таких как Черемхово, Тулун, Усть-Кут и др., в среднем – 17,4. Другими словами, в новостройках области внутрисемейные отношения горожан претерпевали большие потрясения.

Повышенное число разводов, наблюдаемое в новых городах, в известной степени определялось неудовлетворительными производственными жилищно-бытовыми условиями, молодые семьи горожан не всегда выдерживали трудности жизни в годы строительства. Вместе с тем эта причина не являлась определяющей, на что указывает тенденция постоянного роста количества разводов по отношению к заключенным бракам. Анализ статистических данных показал, что доля разводов, несмотря на окончание формирования социальной сферы новостроек, с годами постоянно росла, что явилось отражением общего демографического процесса. Так, в целом по городским поселениям Иркутской области в 1970 г. на 100 браков приходилось 29 разводов, в 1975 г. – 32, 1980 г. – 38, 1985 г. – 43. К середине 1980-х гг. число разводов в Иркутской области увеличилось в 3 раза по отношению к послевоенному десятилетию и составило 3,5 на 1000 чел., оставаясь, все-таки ниже, чем в целом по стране [12, с. 112–113; 13, с. 110–111].

Солидарен с Ю.В. Черновой и Н.С. Николаенко, Л.Г. Власов, исследовавший ситуацию на БАМе. Он отмечает, что 40,1% опрошенных строителей БАМ создали свою семью после приезда. При этом здесь был самый высокий уровень разводов в регионе – 60%. Социологические опросы свидетельствовали, что основной причиной разводов были социальная неустроенность, частые семейно-бытовые неурядицы [4, с. 104].

В Красноярском крае наблюдалась похожая динамика. Так, в Красноярске количество разводов на 1000 человек составляло 5,0; в Канске – 4,7; а в молодом Саяногорске – 6,9 [7, с. 54–58]. В период 1971–1980 гг. количество разводов увеличилось почти в два раза. Причем разводы имели место не только среди молодых семей. Значительно больше был удельный вес разводов в возрастных группах от 30 до 50 лет. Частыми были случаи разводов после 10–15 лет совместной жизни. Как показывает статистика, в городах коэффициент разводов был в 3 раза выше, чем в сельской местности, что подчеркивает более низкую устойчивость семейно-брачных связей. Тем не менее число заключенных браков значительно превышало количество разводов [2, с. 10].

Выводы. Рассмотренный материал показывает, что в городах Ангаро-Енисейского региона в период 1959–1989 гг. наблюдался рост брачности и разводимости. При этом можно отметить повышение возраста вступления в брак для 20–30-летних. Динамика разводов достаточно высока, но при этом число браков значительно выше числа разводов, что позволяет говорить о сохранении традиционной ценности института брака. В то же время налицо более свободное отношение населения к этому институту. Нормы брачного поведения в обществе становились менее традиционными и более гибкими. Учитывая, что рассмотренный

период достаточно мал для наблюдения таких глубинных процессов, даже незначительные изменения нужно принимать во внимание. При этом мы наблюдаем устойчивую динамику, что позволяет говорить о значимости произошедших изменений. В целом полученные результаты коррелируются с данными по РФ, соответственно можно утверждать, что мы наблюдаем проявление одних и тех же социально-демографических процессов.

Особенностью рассматриваемого региона является наличие большого числа молодых городов, которые демонстрировали более высокую интенсивность указанных процессов, что можно объяснить концентрацией молодых возрастов и высокой миграцией.

Определяющими факторами, вызвавшими к жизни данное явление, можно считать возросшую социальную активность населения под влиянием урбанизации и либерализации. Можно согласиться с А.Г. Вишневым, что наблюдаемая трансформация семейно-брачных отношений стала результатом общего модернизационного сдвига, произошедшего в России в XX в. [3].

Литература

1. Антонова М.В. Советская социальная политика: семейно-бытовой аспект. 1950 – 1960-е годы (на материалах Ленинграда): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2010.
2. Бегизардов Я.Н. Динамика естественного прироста городского населения Красноярского края в 1959–1991 гг. // Красноярский край – 70 лет исторического пути: мат-лы V краеведческих чтений. – Красноярск: ГУНБ Красноярского края, 2005.
3. Вишневецкий А.Г. Эволюция российской семьи. – URL: <http://elementy.ru/lib/430652>.
4. Власов Л.Г. Новый район освоения: исторический опыт, уроки (по материалам западного участка БА-Ма) 1970 – 1980-е гг. – Улан-Удэ, 2004.
5. Исупов В.А. Городское население Сибири: от катастрофы к возрождению (конец 30-х – конец 50-х гг.). – Новосибирск, 1991.
6. Итоги всесоюзной переписи населения 1959, 1970, 1979, 1989 гг. // demoscope.ru.
7. Куцев Г.Ф. Новый город. Социологический очерк на материалах Сибири. – М., 1982.
8. Малинин Е.Д., Ушаков А.К. Население Сибири. – М., 1976.
9. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т.2. 1940–1959. – М., 2001.
10. Население России в XX веке: исторические очерки: в 3 т. Т.3. – Кн.1: 1960–1979. – М., 2005.
11. Николаенко Н.С. Влияние индустриального развития Иркутской области на динамику численности и состав населения. 1950 – 1980-е гг. Исторические аспекты: дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2003.
12. Чернова Ю.В. Новые города Иркутской области (1950 – 1980 гг.). Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2002.

УДК 94(47)

В.Н. Долбик

ИСТОРИЯ СПЕЦСЛУЖБ ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ»

В данной статье осуществляется краткий выборочный обзор материалов по истории спецслужб России (XIX в. – 1917 г.), опубликованных в журнале «Отечественная история» в 2000–2007 гг., отражающих их роль и место в жизни государства.

Ключевые слова: охранка, жандарм, Отдельный корпус жандармов, политическая полиция, Департамент полиции, МВД России, III отделение собственной Его императорского Величества канцелярии, контрразведка, военный агент.